

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЁТЧИК.....	5
НА БОЕВОМ КУРСЕ!.....	295
ПОД КРЫЛЬЯМИ БОСФОР.....	581

Благодарю всех своих читателей за поддержку.

Отдельная благодарность *Владимиру Иванаву, Дмитрию Михайлову, Анастасии Алябьевой, Дмитрию Артамонову, Вячеславу Кондратьеву, Виктору Гумённому* и, конечно же, *Татьяне Малыгиной!*

Пролог

Нет, на борту не было паники. Экипаж чётко делал свою работу, ту, которой он был обучен, ту, которую тысячи раз отработывал на тренажёрах и тренажах, ту, о которой подробно расписано в Инструкции по лётной эксплуатации.

Взрёвывала периодически сирена, женским, приятным в любое другое, но только не в это время голосом тревожно и практически непрерывно вещал в наушники экипажу речевой информатор, среди профессионалов именуемый просто Ритой. На центральной панели приборов горели и мигали красным раздражающим цветом световые табло.

А экипаж работал, заваливая тяжёлый, ставший в одночасье ужасно неповоротливым транспортник в очередной крен, уводя его прочь от города и одновременно всеми силами пытаясь потушить пожар в салоне. В воздухе критическая ситуация развивается невысказанно быстро, и на принятие грамотного и правильного решения, не говоря уже о последующих действиях, есть считанные секунды. А порой лишь жалкие доли этих секунд. И если всё сложится удачно и экипаж выкрутится из этой нештатной ситуации, то чуть позже, на такой родной и безопасной земле, придёт осознание того, что вся твоя предыдущая жизнь была лишь подготовкой именно вот к этому, ты готовился просто работать. Без мандража в груди и трясущихся от страха, потеющих, суесящихся без толку рук.

Это очень трудно — грамотно и внешне спокойно работать, когда нет высоты для покидания самолёта, когда на борту пассажиры без средств для этого покидания, когда аппарат теряет управление из-за отказа электро- и гидросистем, когда один за другим вылетают автоматы защиты сети и когда внизу под тобой ГОРОД...

Потому и рвали сейчас жилы пилоты, уводя на ручном управлении тяжеленную, дымящую чёрным дымом махину с тоннами топлива на борту и полным пушечным боезапасом в сторону от жилых кварталов, оправдывая в этот критический миг долгие годы постоянной учёбы и службы...

И, выводя его на полосу, пытались всеми силами удержать лайнер на курсе и глиссаде снижения, явно не успевая долететь до этой желанной узкой бетонной полосы...

И отчётливо в эти оставшиеся до земли мгновения понимая, что уже всё... И до последней доли секунды отказываясь верить, что уже всё...

Город остался цел...

Глава 1

— Вытаскивайте его! Да осторожнее, осторожнее, ногу ему не доломайте! — Чей-то пронзительный голос тревогой и беспокойством пробился в сознание, заставляя к себе прислушаться, не отпуская в спасительное безмолвие, держал, тянул куда-то, вытаскивал в реальность.

Вяло удивился — какую такую ногу? Почему не доломайте? Откуда вытаскивать? Вслед за этим удивлением пришли первые ощущения. Сначала начала затихать стремительная круговерть сознания. Странные чувства. Словно в голове карусель крутится с огромной скоростью... И наконец-то начинает останавливаться, когда организм уже отказывается повиноваться и наступает предел выносливости. А что такое карусель? Откуда я это слово знаю? Но ладно, потом выясню, а сейчас можно очень аккуратно и облегчённо вздохнуть. Тяжко, когда нет ощущения верха и низа, когда висишь в великой пустоте, и она, эта пустота, стремительно вращается вокруг тебя. Или я внутри этой пустоты кручусь, словно та самая пресловутая белка в колесе. Какая такая белка? Или белочка? А что такое колесо? Откуда я все эти слова знаю? Почему они всплывают в моём сознании?

Медленно успокаивалась круговерть в голове, истаявали воспоминания, даже не сами воспоминания, а, скорее, какое-то эмоциональное эхо от них, фон о чём-то огромном и белёсом, затухал и истончался отголосок мощного, наполненного огромной силой голоса в безграничном и великом нечто. Странные и очень

неприятные воспоминания. Как будто меня долго выворачивали наизнанку, а потом вернули обратно.

Второе ощущение тоже не понравилось. Всё тело начало сначала словно покалывать малюсенькими острыми иголочками, боль от этих уколов быстро усиливалась, накатила стремительным валом, захлестнула и потащила за собой куда-то вниз. Через миг терпеть её стало невозможно. Какое тело? Чьё тело? Откуда? Я же сгусток сознания среди многих мириадов других в той самой пустоте... Откуда я это знаю? И почему вниз, если я в пустоте, где вообще нет таких понятий?

Чей-то сдавленный стон, полный такой боли, что по коже побежали мурашки страха... Да что такое здесь происходит? Кого-то мучают?

— Да говорю же, осторожнее тяните! И придерживайте, придерживайте за руки. Слышите, как стонет?

— Да мы и так стараемся, ваше благородие. Он же весь тро-сами опутан, словно сетями. Пока всё разрежем. Да уже почти всё, ещё одна петля и точно всё. Вот, готово, освободили, можно вынимать.

Густой и добродушный бас приблизился вплотную, я сразу же почувал резкий и неприятный запах табачища, в носу зачесалось, и я чихнул.

Чихнул и мгновенно полетел в спасительную темноту. С облегчением, потому что боль отступила...

А потом я услышал равномерное позвякивание металла о стекло. словно где-то неподалёку размешивают сахар в стакане с чаем. Почему-то на ум сразу пришла именно такая аналогия. И ещё какой-то знакомый шум. словно листья на ветру шелестят.

Медленно и сторожко потянулся из темноты к вроде бы как знакомым звукам. Открыть глаза не получилось, веки не послушались. Зато вернулась боль. На моё счастье, не такая ослепляющая, как в прошлый раз, а вполне терпимое лёгкое покалывание. словно акупунктуру делают. По всему телу. Нет, соврал, дальше шеи я ничего не ощущаю. Сначала больно колет, а потом даже немного приятно от такой боли. Глаза, веки, лицо. Почему я кроме боли ничего не чувствую? Где моё тело? погоди, а звуки? Их-то слышу? Потянулся рукой потрогать лицо, нащупать глаза — и не смог. Не послушались меня мышцы. словно нет у меня руки. Испугался и тут же успокоился. Потому что сразу же пришло

осознание, что есть у меня рука. Теперь уже руку начало колоть. А вторая? Ну-ка... Ноги? А... Нет, с этим пока подожду, мне и этой дополнительной боли за глаза и выше крыши. Сразу насчёт приятности переменял мнение. Так что ноги в другой раз, как бы мне этого ни хотелось. Позже полную ревизию организма проведу на предмет наличия нужных конечностей. Когда не так больно будет.

Да это у меня наверняка от долгого лежания все мышцы просто затекли, поэтому ничего и не чувствую. А теперь понемногу отходить начинают, потому и покалывание идёт! Чувствительность возвращается. А где я, кстати? Почему жены нет рядом? Доча? Друзья мои где? Никого не пускают? Потому что наверняка лежу в госпитале. А почему я так подумал? Откуда я знаю, что женат и у меня даже дочь есть? Стоило только сосредоточиться на этой мысли, как в голове вообще опустело. Пусто стало, словно в дырявом ведре. Почему решил, что в госпитале? Запахи потому что такие, специфические, соответствующие именно медицинскому заведению. А как я здесь оказался? И... кто я?

Память услужливо показала быстро надвигающуюся в грохоте сбрасывающего обороты мотора землю, стелющуюся под ветром зелёную траву внизу, касание, и предатель-ветер налетевшим резким порывом бросает лёгкий и неустойчивый самолёт вверх. Придерживающее движение ручкой управления, и вот она — земля. И снова налетевший порыв ветра поднимает аэроплан в воздух. Скорости нет, и аппарат медленно заваливается на крыло, клюёт носом вниз и врывается в это зелёное, стелющееся пологими волнами под ветром травяное море. Треск ломающегося дерева, звон лопающихся расчалок и летящая в лицо земля. И сразу же поверх первого воспоминания накладывается другая картинка. Вонь горелой проводки и пластика, пронзительный вой сирены, заходящийся в тревожном предупреждении женский голос, летящие в лицо огромные сосны и крик бортинженера:

— Прощайте, мужики!

Ф-фух! Что это было? Со мной? Я лётчик? Был? Не помню ничего. Как тяжело. А сейчас тогда я кто? Почему никак не могу открыть глаза? Не знаю, чего больше испугался? Того, что вспомнилось, или того, что вдруг и эти воспоминания пропадут, исчезнут. Замер. Нет, никуда не пропали. А... Нет, уже и не

вспомню ничего. Осталась лишь горечь окончательной и бесповоротной потери кого-то очень мне дорогого...

— Доктор, доктор! Скорее сюда! Он плачет!

Лёгкий скрип недостаточно хорошо смазанных дверных петель, быстро приближающиеся торопливые шаги, пахнущая лекарствами тяжёлая и мягкая рука на лбу... И сразу же новая картинка перед глазами. Жёлтая двухэтажная коробка госпиталя в разросшихся кустах цветущей сирени и река внизу...

Я же чувствую всё это? И слышу? Почему же тело мне не подчиняется? Почему я глаза открыть не могу? Даже язык не слушается. И сильно устал от внезапных и непонятных вывертов сознания.

— Ничего, Лидия Васильевна, ничего. В сознание не приходил?

— Нет, Викентий Иванович, не приходил.

— Странно. Давно должен был очнуться. Впрочем, голова — орган неизученный, что там в ней происходит, лишь одному богу известно. Вот и будем на его милость уповать. То, что плачет, уже хорошо. Хоть какая-то реакция появилась. А то лежит, прости господи, словно полено бесчувственное. И позвоночник ведь у больного цел, а рефлексов на раздражители нет. Странно. Первый раз с таким чудом сталкиваюсь. Кости срослись быстро, раны зарубцевались. Ничего, время — лучший доктор. Организм молодой, глядишь, и оклемается поручик. Да, Лидия Васильевна, голубушка, пока так и продолжаем его искусственно поддерживать. А то когда он ещё в себя придёт и сможет самостоятельно пить да есть...

Это точно про меня говорят. И ладонь я же на своём лбу ощутил? На своём ли? Почему я поручик? Я же капитаном был...

Спасительное беспмятство в очередной раз мягко приняло запаниковавшее сознание в свои ласковые объятия. И я не противился, там хоть отдохну от этого окружающего непонятного.

Возвращаться в реальность очень не хотелось. Так там хорошо, в беспмятстве-то, тепло и никаких забот, а здесь сразу боль от никуда не пропавших за это время игл и такое поганое чувство беспомощности. А ещё запахи. Я даже доносящиеся тяжёлые запахи из дальнего конца коридора могу унюхать, не говоря уже о своих собственных ароматах залежавшегося тела. Дышать прямо нечем. Так и с ума можно сойти от этой вони. И мой слух. Как будто бы им компенсировали отсутствие зрения и подвижности.

Всё слышу, так же хорошо, как и обоняю. Дурдом. Были бы руки, какие-нибудь затычки в уши вставил бы. Это же каждый шорох по мозгам словно кувалдой по наковальне бьёт. Кошмар. Боже милостивый, верни меня обратно...

Очередную смену дня и ночи осознавал лишь по смолкающим звукам в коридоре. А в том месте, где находилась моя теперешняя сущность, больше никого не было, один я лежал. В палате, наверное, где же ещё? И почему сущность? А потому что я не знаю, кто я и кем оказался. Поручик? Голубчик? Пусть даже этакая малость о чём-то хоть и говорит, но... Как-то мало-вато информации. Вот когда зрение и возможность шевелиться вернутся, тогда и назову себя по-другому, а пока пусть будет так.

Со временем дежурный пост из палаты убрали. Дежурная сестричка заглядывала периодически, убеждалась, что никуда я не делся, и затворяла за собой дверь. Смешно, куда я могу в таком состоянии деться? Ну и убирала за мной, обтирала. По утрам обычно. Сознание в такие моменты колыхалось, словно плыло по крутым волнам, из чего я сделал логичный вывод, что это ворочали со стороны на сторону моё тело. Даже начинало казаться, что в этот момент я что-то ощущаю, вроде как чувствую свои конечности, свою тушку. Мне бы сказать сестричке, надоумить, чтобы провели общий массажик, промяли мышцы, да куда там, не мог, язык-то тоже не слушается приказов мозга.

Проявившиеся в первое время непонятные воспоминания о моей сущности и окружающей действительности больше не возвращались. Несмотря на все мои героические потуги вспомнить хоть что-то из своей прежней жизни. Ну никак, как ни старался напрячь свои извилины. Пришлось на время оставить эту затею. К большому моему сожалению. Потому что окружающая меня неизвестность сильно, если не сказать больше, напрягала. Боялся я этой неизвестности, честно сказать.

Уже и счёт этим пересменам дежурных сестричек потерял, когда наконец-то смог шевельнуть головой. Шея повиновалась, повернула голову набок. То есть дала начальный импульс движению, а потом голова сама набок упала по инерции. Мышцы-то совсем не работают. А затем и глаза открыл. Когда щека подушки коснулась. Это непередаваемое ощущение — почувствовать щекой подушку. Накрахмаленную наволочку, между прочим, вкусную на запах, похрустывающую от свежести и, оказывается, ослепительно белоснежную. Вот только прилипшие к ней

чёрные длинные волосы неприятно поразили. Это я их смог чуть позже разглядеть. И удивился, когда разглядел. Длинные? Женские? Откуда? Да нет, бред, я же хоть и не мог ничего видеть долгое время, но всё ощущал, что вокруг меня происходило. Это мои, родные, только здорово отросшие! И следующая мысль привела в ужас. У меня выпадают волосы! И страшно колетса борода! Неужели если что-то прибавляется в одном месте, то в другом обязательно убывает? Кстати, а почему меня не смогли подстричь и побрить? Даже неприятно стало от такого к себе отношения. То есть не к себе, а к этому телу. Почему-то приходилось силком отождествлять себя, своё сознание с этой физической обессиленной оболочкой. М-да-а. Волосы лезут. Теперь что, я облысею?

А потом всё-таки пересилил свой страх и начал осторожно ворочать глазами по сторонам, пока они не заболели. Оглядел по мере возможности своё временное, надеюсь, пристанище. Почему так боялся и занимал своё внимание всякой ерундой, вроде волос на подушке и бороды? Потому что банально было страшно возвращаться в реальность. Просто страшно.

Первым делом попытался осмотреть себя. Бесполезно. Только серое, шерстяное на вид одеяло увидел. С полосками, как солдатское. Или казённое. Больше ничего не рассмотрел, голову-то не поднять, не оторвать от подушки, можно только влево-вправо ворочать, да и то не сильно.

Рядом с кроватью, прямо напротив подушки — тумбочка с кружкой. И ложка. Лучше бы не смотрел. Потому что сразу же захотелось пить и есть. Больше пить, но с этим у меня полный облом. Самому не хватает сил дотянуться. И нет рядом со мной желающих напитать измученный очнувшийся организм влагой и калориями. И сестричка как назло сегодня не показывается. Откуда-то всплыло пренеприятнейшее ощущение резиновой трубки во рту. Нет, не хочу больше такого удовольствия, буду сам стараться есть и пить.

После я долго пытался хоть как-то заставить себя двигаться, шевелиться. Сначала ворочал шеей, но очень быстро устал. Наволочка на подушке из белоснежной превратилась в мятую и серую. От пота. Потел я сильно.

И язык никак не собирался повиноваться своему хозяину. Ворочался еле-еле во рту толстой распухшей сарделькой. Из горла вместо связной речи какие-то непонятные звуки раздавались.

Одно хорошо, с каждой новой попыткой всё более и более громкие. Правда, после каждой такой попытки приходилось долго успокаивать дыхание. Непомерными пока для меня оказались такие усилия, лёгкие заболели.

Похоже, именно эти звуки и привлекли наконец-то чьё-то внимание в коридоре. Дверь распахнулась, и в палату заглянула сестричка в белой... В белом... Короче, в чём-то белом на голове. Не платок и не колпак, и даже не шапочка, а что-то среднее. Но красный крест на груди белого... фартука, что ли, я углядел. Больше ничего не рассмотрел, не успел, потому что сестричка быстро скрылась. Правда, дверь за собой оставила открытой. Утопала бегом куда-то вдаль по коридору, что-то удивлённо бормоча на ходу. Впрочем, я и не прислушивался к этому бормотанию, а в очередной раз прислушивался к себе. И радовался происходившим изменениям. Мой сверхчувствительный нюх куда-то быстро исчезал. Чем больше я начинал привыкать к своему телу, чем больше получал окружающей информации, чем лучше овладевал своим телом, тем быстрее пропадали аномальные способности. Вроде сверхчувствительного нюха и слуха. Я возвращался к норме.

— Вот, сами посмотрите, Викентий Иванович, видите? Говорю же, очнулся наш больной, пришёл в себя, — зачатила сестрица, замирая на пороге и вглядываясь в моё лицо, словно опасаясь, что обманулась невольно в своих уверениях.

И что? Разок глянула и довольно, можно и не смотреть. Чёрт, ну как она не понимает, что я стесняюсь своего вида, своей небритой заросшей физиономии, своего беспомощного жалкого тела? Да ещё припомнилось, как они за мной каждое утро убрали... Стыдоба-то какая!

— Голубушка, вы мне пройти-то позволите?

Девушка даже не обратила внимания на слова доктора, так и продолжала стоять на том же самом месте и восторженно смотреть. Чему радуется?

Доктор между тем сообразил, что дорогу ему никто освободить не собирается, тяжело вздохнул и бочком, бочком протиснулся в палату. И сразу же начал надо мной издеваться, сначала оттянул веки вниз, осмотрел зачем-то глаза. Господи, мне и так тяжело, да ещё это терпеть приходится. А потом и в рот заглянул. Нажал на подбородок, и моя нижняя челюсть на грудь упала. Попросил язык показать, кое-как выполнил просьбу-требование